

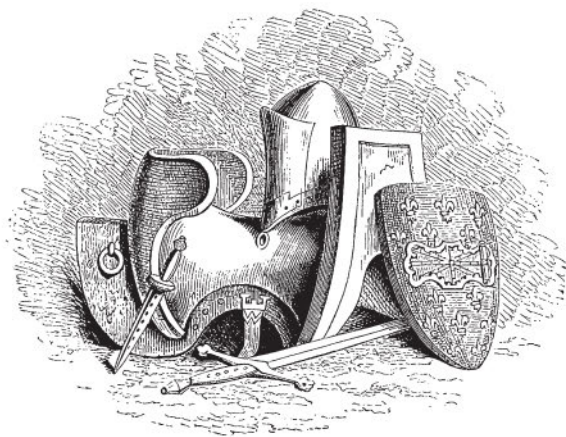

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

Азенкур

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К 67

Bernard Cornwell
AZINCOURT
Copyright © 2009 by Bernard Cornwell
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Майгуровой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

Карты выполнены Юлией Каташинской

Корнуэлл Б.

К 67 Азенкур : роман / Бернард Корнуэлл ; пер. с англ. И. Майгуровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 480 с. — (Мир приключений).

ISBN 978-5-389-18510-4

Битва при Азенкуре — один из поворотных моментов в ходе Столетней войны между Англией и Францией. Изнуренная долгим походом, голодом и болезнями английская армия по меньшей мере в пять раз уступала численностью противнику. Французы твердо намеревались остановить войско Генриха V на подходах к Кале и превосходством сил истребить захватчиков. Но исход сражения был непредсказуем — победы воистину достигаются не числом, а умением.

В центре неравной схватки оказывается простой английский лучник Николас Хук, готовый сражаться за своего короля до последнего. Только благодаря воинскому искусству, дисциплине и личной доблести таких солдат добываются самые блестящие победы в истории.

Этот захватывающий роман о войне — великолепная литературная реконструкция, одно из лучших творений Бернарда Корнуэлла, автора признанных мировых бестселлеров цикла «Саксонские хроники», романов о стрелке Ричарде Шарпе и многих других книг.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18510-4

© И. В. Майгурова, перевод, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

*Моей внучке Эми Корнуэлл,
с любовью*

Азенкур — одно из самых ярких эпических событий в истории Англии... Это победа слабых над сильными, простонародного войска над конными рыцарями, отваги над гордыней... И еще это повесть о нравах, годных для скотобойни, и откровенных зверствах.

Сэр Джон Киган. Лик битвы

...Убитых множество и груды трупов; нет конца трупам, спотыкаются о трупы их.

Наум. 3: 3

Дорогой читатель!

Бернард Корнуэлл давно числится среди моих любимых авторов, и потому я с великим удовольствием представляю вам роман, который считаю лучшим из всего им написанного, — «Азенкур». Усилия издательства «HarperCollins», годами создававшего читательскую аудиторию для этого блистательного рассказчика, принесли свои плоды: продажи росли от книги к книге, недавний цикл «Саксонские хроники» вывел Корнуэлла на новый уровень, и теперь наконец свершилось счастливое событие, которого мы так ждали: выходит в свет «Азенкур» — крупный отдельный роман, способный принести Бернарду Корнуэллу широкое читательское признание, которого автор всецело заслуживает.

Битва при Азенкуре позволяет писателю, снискавшему заслуженную славу «величайшего мастера историко-приключенческого романа» («Вашингтон пост»), достичь невиданной прежде масштабности повествования. Многие помнят, что в драме Шекспира «Генрих V», действие которой строится вокруг Азенкурской битвы, король Генрих говорит «о нас, о горсточке счастливых, братьев»¹. Азенкур и вправду был сражением малого войска против многочисленных полчищ: 25 октября 1415 года на раскисших от ливня полях Северной Франции шесть тысяч английских воинов сошлись в битве с тридцатью тысячами французов —

---

¹ Шекспир У. Генрих V. Акт IV, сцена 3. Перевод Е. Бируковой. — *Здесь и далее примеч. перев.*

и победили. Слава этой победы — одного из крупнейших событий средневековой Европы — не меркнет даже спустя шестьсот лет.

В 2003 году мне посчастливилось съездить вместе с Бернардом на поле Азенкурской битвы, и я был несказанно впечатлен картиной сражения, которую он развернул перед мной там, на поросшей травой равнине, и которая вновь вставала у меня перед глазами во время чтения романа.

Новая книга в полной мере отражает признанную особенность таланта Бернарда Корнуэлла — умение преломлять исторические события через восприятие конкретного человека: великая битва предстает перед нами так, как ее видит простой парень, английский лучник Николас Хук. Созданный умелым пером Корнуэлла, увлекательный роман о войне и выживании воспринимается как блестящее историческое исследование и великолепный плод творческой фантазии — захватывающее, интересное и познавательное чтение. Надеюсь, вам понравится!

*Брайан Мюррей,
президент и главный исполнительный директор
HarperCollins Publishers Worldwide,
июль 2008*

ПРОЛОГ

Зимним днем 1413 года, перед самым Рождеством, Николас Хук решился на убийство.

День стоял холодный. Полуденное солнце тщилося растопить ледяную корку, которой сковал землю крепкий ночной мороз. В безветренной тиши мир выглядел бледным, стылым и недвижимым, лишь на нижней дороге, что вела от лесных холмов к мельничным пастбищам, маячила фигура Тома Перрила.

Девятнадцатилетний Ник Хук был охотником, и даже в мороз, когда легчайший неверный шаг отозвался бы ледяным хрустом, он ступал бесшумно, как призрак. Ник двигался так, чтобы ветер дул от него в сторону нижней дороги — там, погоняемый Перрилом, ломовой битюг лорда Слейтона тащил на постромках тяжелый срубленный вяз, который пойдет на новые лопасти для мельничного колеса. Том Перрил был один, хотя редко пускался в путь без братца или прихвостней, а уж чтобы выйти за деревню без лука на плече — такого Хук за ним не помнил.

Ник Хук остановился у кромки леса, скрытый кустами падуба. В сотне шагов от него Перрил исходил проклятиями: огромный вяз, то и дело цеплявшийся за мерзлые неровности колеи, вконец измучил битюга, и тот, зартачившись, встал. Даже исхлестанный в кровь, он не сходил с места, и Перрил, опустив руку с кнутом, лишь бесильно осыпал бранью несчастное животное.

Из холщовой сумки на поясе Хук вытащил стрелу и убедился, что выбрал нужную. Широкий наконечник с длинным черешком и с лезвиями, способными прорезать оленьё тело, — от такой стрелы жертва истечет кровью, даже если Хук промахнется мимо сердца, чего обычно не случалось. В восемнадцать лет Ник Хук выиграл состязание трех графств, победив знаменитых на пол-Англии лучников, и на сто шагов бил без промаха.

Хук наложил стрелу на цевье, не отводя глаз от Перрила: оружие он чувствовал не глядя. Подхватив стрелу большим пальцем левой руки, правой слегка сдвинул тетиву, чтобы она легла в узкую прорезь на оперенном конце стрелы, и вскинул лук, по-прежнему не отрывая взгляда от старшего сына мельника.

Любой, кому не выпало быть лучником, не напряг бы лук и наполовину, однако Хук натянул тетиву без видимых усилий, доведя ее до правого уха.

Перрил, одетый в кожух из оленьей шкуры поверх штанов и куртки, глазел на мельничные пастбища, за которыми серебристой нитью вилась река под оголенными по-зимнему ивами, и не подозревал, что от смерти его отделяют всего несколько мгновений.

Хук отпустил тетиву, и мягкое движение отозвалось в пальцах лишь едва заметной дрожью.

Стрела пошла ровно. Мелькнуло серое оперение. Ясеневое древко со стальным жалом устремилось прямо в сердце Перрилу. Хук затачивал наконечник собственноручно и знал, что оленью шкуру тот прошивает так же легко, как тончайшую паутину.

Ник Хук ненавидел Перрилов не меньше, чем те — Хуков. Вражда зародилась два поколения назад, когда дед Тома Перрила убил деда Хука в деревенской харчевне, ткнув его в глаз кочергой. Старый лорд Слейтон объявил случившееся честной дракой и оставил мельника без наказания. С тех самых пор Хуки жаждали поквитаться.

Ни разу в этом не преуспев.

Отца Ника забили до смерти на футбольной игре: из дюжины молодцов, что кинулись искать мяч, улетевший в заросли за господским садом, вернулись лишь одиннадцать. Виновного не нашли, хотя все знали, что без Перрилов не обошлось. Попытку объявить смерть убийством молодой лорд Слейтон высмеял:

— Если вешать за убийство на футболе, придется казнить пол-Англии!..

Отец Хука, пастух, оставил беременную вдову и двоих сыновей. Вдова, пережив мужа на два месяца, разрешилась мертвой девочкой и умерла родами в праздник Святого Николая — в тот самый день, когда Нику исполнилось тринадцать. Бабку такое совпадение убедило в том, что Ник проклят, и она прибегла к своим средствам: вогнав стрелу поглубже ему в бедро, она затем велела Нику убить ею оленя, чтобы снять проклятие. Однако лань из угодий лорда Слейтона, воровски добытая окровавленной стрелой, ничего не изменила: Перрилы и не думали вымирать, вражда длилась по-прежнему. Когда у Хуков зачахла великолепная яблоня, бабка не сомневалась, что дерево сглазила Перрилова старуха.

— Мерзкие дерьмохлебы эти Перрилы, — сплюнула она. — Как есть выродки.

На Тома Перрилы и его младшего брата Роберта она попыталась навести порчу, однако болезнь их не взяла: не иначе как оберег Перриловой старухи оказался сильнее. Зато пропали две козы, которых Хук гонял на общее пастбище. И хотя деревня списала пропажу на волков, Ник Хук точно знал, что тут постарались Перрилы. В отместку он зарезал их корову, но корова — не Перрилы, те остались жить. Бабка то и дело бурчала, что Хук обязан истребить вражье отродье, но подходящего случая так и не подворачивалось. В конце концов бабка прокляла Ника («Чтоб тебе плевать на дерьмом, чтоб тебе корчиться в аду!») и в шестнадцать лет выставила его из дома.

— Сдохни от голода, ублюдок! — прорычала она вслед.

К тому времени бабка выжила из ума, спорить было бесполезно.

Голод угрожал бы Хуку всерьез, не выйди он в тот год на состязание шести деревень. Поглядев, как Ник одну за другой всаживает стрелы в дальнюю цель, лорд Слейтон официально назначил его егерем: теперь Хуку вменялось в обязанность снабжать олениной стол его светлости.

— Уж лучше бей дичь по долгу службы, — заметил тогда лорд Слейтон, — чем тебя вздернут за незаконную охоту.

Сейчас, перед самым Рождеством, в День святого Виннибальда, Ник Хук следил глазами за стрелой, пущенной в Тома Перрила.

Хук не сомневался, что она несет смерть.

Стрела шла ровно, уже начав снижаться между высокими, посеребренными инеем изгородами. Том Перрил о ней и не подозревал. Ник Хук улыбнулся.

И тут стрела дрогнула.

Оперение отлетело в сторону — должно быть, не выдержал клей и обвязка. Стрела, дернувшись влево, цапнула коню бок и вонзилась в плечо. Битюг заржал, вздыбился и рванул вперед, выдернув тяжелый ствол дерева из заледеневшей борозды.

Том Перрил оглянулся было на кромку леса, но вовремя сообразил, что второй стрелы лучше не дожидаться, и что есть мочи припустил вслед коню.

Ник Хук вновь остался ни с чем. Проклятие действовало по-прежнему.

Лорд Слейтон, суровый воин лет за сорок, с усилием опустил в кресло — некогда при Шрусбери вражеский меч угодил ему в позвоночник, навсегда сделав калекой.

— Где ты был в День святого Виннибальда? — мрачно спросил он Хука.

— Когда это, мой господин? — невинно спросил тот.

— Выродок, — бросил лорд Слейтон, и управляющий ударил Хука в затылок костяной рукоятью хлыста.

— Я не знаю, когда был тот праздник, господин, — упрямо повторил Хук.

— Два дня назад, — ввернул сэр Мартин, шурин лорда Слейтона и священник господского поместья.

Рыцарем он был не больше, чем Хук, однако лорд Слейтон велел звать его сэром за благородство рождения.

— А! — Хук сделал вид, будто его внезапно осенило. — Я подравнивал ясень у Нищенского холма, господин.

— Лжец, — отрезал лорд Слейтон, и Уильям Сноболл, главный лучник и управляющий его светлости, вновь ударил Хука по затылку, на этот раз с размаху, так что закапала кровь.

— Клянусь честью, господин, — убедительным тоном проговорил Хук.

— Честью Хуков! — сухо проронил лорд Слейтон, переводя взгляд на семнадцатилетнего Майкла, младшего брата Ника. — А ты где был?

— Покрывал тростником крышу паперти, мой господин, — ответил тот.

— Это правда. — Глянув на младшего Хука, долговзый сэр Мартин, одетый в грязную рясу, скривил физиономию в некое подобии улыбки.

Светлого, радостного Майкла, внешне не похожего на сурового темноволосого Ника, все любили. Даже Перрилы ненавидели его не так люто, как остальных Хуков.

Братья Томас и Роберт Перрилы стояли здесь же — длинные, тощие, разболтанные в движениях. Их запавшие глаза, длинные носы и выступающие подбородки явно напоминали черты сэра Мартина. Из почтения

к его знатности все в деревне делали вид, будто считают Томаса и Роберта сыновьями мельника, хотя обходиться с братьями предпочитали повежливее: понимали, что при малейшей угрозе они побегут к сэру Мартину за помощью.

А нынче Тому Перрилу не просто угрожали — его чуть не убили. Стрела с серым оперением теперь лежала на столе в господском зале. Лорд Слейтон указал на нее управляющему, и Уильям Сноболл подошел ближе.

— Не наша, мой господин, — заключил он, придирчиво оглядев стрелу.

— По оперению понял? — кивнул лорд Слейтон.

— Серые перья у здешних не в ходу, — нехотя подтвердил Сноболл, глянув исподлобья на Ника. — Ни для стрел, ни для чего другого.

Лорд Слейтон остановил взгляд на Хуке. Он знал правду, как и все присутствующие, кроме, может быть, доверчивого Майкла.

— Всыпать ему плетей, — предложил сэра Мартин.

Хук поднял глаза к гобелену, висящему под галереей: на гобелене охотник в набедренной повязке и шлеме пронзал копьём кабанье брюхо под взглядом женщины, слегка прикрытой клочком прозрачной ткани. Дубовые бревна, поддерживающие галерею, за сотню лет закоптились и почернели.

— Плетей, — повторил священник. — Или отрезать ему уши.

Ник Хук перевел взгляд на лорда Слейтона и в тысячный раз задался вопросом, не отец ли перед ним: то же крепкостное лицо, тяжелый лоб и крупный рот, те же черные волосы и глаза, тот же рост и то же сильное тело, хоть и покалеченное в давней битве, когда мятежный меч вонзился в спину. С тех пор его светлость передвигался на подбитых кожей костылях, прислоненных теперь к креслу.

Взгляд его светлости, устремленный на Хука, был непроницаем.

— Прекращайте вражду, — наконец веско проговорил лорд Слейтон, не сводя глаз с Ника. — Ясно? Никаких убийств! Умри кто-то из Перрилов — я убью и тебя, Хук, и твоего брата. Понял?

— Да, мой господин.

— А если умрет кто-то из Хуков, — его светлость перевел взгляд на Тома Перрила, — то тебе с братцем висеть на крепком дубе.

— Да, мой господин, — откликнулся Перрил.

— Убийство нужно будет доказать! — вдруг негодуя заявил сэр Мартин. Когда ему случалось уйти в посторонние мысли и забыть об окружающих, то потом, очнувшись, он выпаливал слова внезапно и резко, будто наверстывая упущенное. — Доказать, доказать, — повторил он.

— Нет! — осадил шурина лорд Слейтон, стукнув по деревянному подлокотнику кресла. — Если из четверых умрет хоть один, я повешу остальных — всех! Если кто поскользнется и угодит в мельничный проток — я сочту это убийством! Всем ясно? Я не потерплю вражду ни минутой дольше!

— Мы не будем убивать, мой господин, — послушно проговорил Том Перрил.

Лорд Слейтон перевел взгляд на Хука, ожидая такого же заверения, однако Ник промолчал.

— Отхлестать — может, станет послушнее? — предположил Сноболл.

— Будто его прежде не секли! — отмахнулся лорд Слейтон. — В последний раз... когда, Хук?

— На Михайлов день, господин.

— И что ты после этого понял?

— Что у мастера Сноболла слабеет рука, господин.

Услыдав подавленный смешок, Ник Хук поднял голову: за происходящим, укрывшись в тени галереи, наблюдала ее светлость. Сестра долговязого священника, плодившего незаконных отпрысков одного за другим, была бездетной. Хук знал, что леди Слейтон тайком приходила к его бабушке за снадобьем, но бабушкино знахарство так и не помогло.

Сноболл в ответ на дерзость Хука процедил проклятие, однако лорд Слейтон, не удержавшись, улыбнулся.

— Пошли прочь! — велел он. — Вон отсюда все, кроме Хука. Ты останься.

Леди Слейтон проводила мужчин взглядом и исчезла в комнатах за галереей. Ее муж какое-то время молча смотрел на Хука, затем указал на стрелу с серым оперением, лежащую на дубовом столе.

— Откуда стрела, Хук?

— В первый раз ее вижу, господин.

— Ты лжец, Хук. Лжец, вор, мерзавец и ублюдок и к тому же наверняка убийца. Сноболл прав: высечь бы тебя, чтоб до костей достало. Или просто повесить. Мир без Хуков был бы куда уютнее.

Хук не раскрыл рта, продолжая смотреть на лорда Слейтона. В камине треснуло полено, посыпались искры.

— И все же, черт тебя раздери, ты лучший стрелок, каких я знал, — нехотя договорил его светлость. — Дай сюда стрелу.

Хук взял с дубовой столешницы стрелу с серыми перьями и подал ее лорду Слейтону.

— Оперение отскочило в полете?

— Похоже на то, господин.

— Не умеешь делать стрелы, а, Хук?

— Делаю, но плохо. Не получается заузить древко как надо.

— Тебе нужен скобель получше, — заметил лорд Слейтон, проверяя оперение на прочность. — Так откуда стрела? От пришлых охотников?

— Один из таких стрелял вашу дичь, господин, — осторожно сказал Хук. — Я его убил на той неделе.

— Не твое дело их убивать, твое дело тащить их в усадьбу, а убивать буду я.

— Паршивец застрелил лань в Дроздовом лесу и хотел сбежать, — объяснил Хук. — Пришлось всадить ему стрелу в спину. Я его зарыл за Касселовой горой.

— Что за человек?

— Бродяга, мой господин. Наверное, куда-то пробирался. При нем ничего не было, только лук.

— Лук и стрелы с серым оперением, — процедил его светлость. — Твое счастье, что битюг уцелел. Иначе пришлось бы тебя повесить.

— Цезаря едва задело, — небрежно проговорил Хук. — Одна царапина на шкуре.

— Откуда тебе знать, если ты там не был?

— Слышал в деревне, мой господин.

— Я тоже кое-что слышал, Хук, — откликнулся лорд Слейтон. — Отстань наконец от Перрилов! Слышишь? Оставь их в покое!

Хук мало во что верил и все же умудрился вбить себе в голову, что проклятие, осложнявшее его жизнь, исчезнет только со смертью Перрилов. В чем оно состояло — он толком не знал: не считать же проклятием беспокойное чувство, будто жизнь не ограничивается лишь заботами поместья. Однако всякий раз, как он подумывал сбежать от лорда Слейтона, ему становилось не по себе, словно от ощущения невидимой и непостижимой беды — признака проклятия. Других способов избавиться от него, кроме как убийство, Хук не знал.

— Слушаюсь, мой господин.

— Слушаешь и повинешься, — уточнил лорд Слейтон, выбрасывая стрелу в камин, где она через миг вспыхнула ярким пламенем.

«Хорошая стрела, зря пропадает», — мелькнуло в голове Хука.

— Сэр Мартин тебя не любит, — понизил голос лорд Слейтон и повел глазами в сторону галереи, словно спрашивая, там ли еще его жена. Хук в ответ едва заметно покачал головой. — Не догадываешься за что?

— Он мало кого любит, господин, — уклончиво ответил Хук.

Лорд Слейтон задержал на нем взгляд.

— А насчет Уильяма Сноболла ты прав. Он слабеет. Все мы старимся, Хук, и мне понадобится новый сентенар. Ты понимаешь, о чем я?

Сентенаром — сотником, главным над лучниками, — Уильям Сноболл был всегда, сколько Хук себя помнил. Совмещая эту службу с должностью управляющего поместьем, Сноболл нажил состояние больше, чем любой другой из людей лорда Слейтона.

— Понимаю, господин, — кивнув, пробормотал Хук.

— Сэр Мартин мечтает видеть новым сотником Тома Перрилла. Однако он боится, что я назначу тебя, Хук. С чего ему так думать, я и понятия не имею. А ты?

Хук посмотрел в лицо его светлости, борясь с соблазном спросить, насколько близко тот знал его мать, но подавил искушение.

— Не знаю, господин, — вместо этого сдержанно проговорил он.

— Так что в Лондоне, Хук, будь осторожен. Сэр Мартин будет с вами.

— В Лондоне?..

— Я получил распоряжение отправить туда своих лучников. Ты бывал в Лондоне?

— Нет, господин.

— Теперь побываешь. Мне не сказано о цели: я посылаю лучников лишь потому, что так велел король. Может, он задумал воевать? Не знаю. Если и вправду грозит война — я не намерен ждать, пока мои люди друг друга

прикончат. Бога ради, Хук, не добивайся, чтоб я тебя повесил.

— Я постараюсь, мой господин.

— Теперь иди. Скажи Сноболлу, пусть войдет. Ступай.

В январе по-прежнему стоял холод. После короткой рассветной метели низкое небо в тот день выглядело тяжелым и, несмотря на утренний час, по-вечернему сумрачным. Поверх тростниковых крыш лежал иней, а те немногие лужи, что еще не превратились в разбитое башмаками грязное месиво, покрывал тонкий ледок. Ник Хук — длинноногий, широкоплечий, темноволосый и хмурый — сидел у харчевни в компании семерых сослуживцев, включавшей его брата и обоих Перрилов. На нем были высокие, по колено, сапоги со шпорами, две пары штанов для тепла, подбитая шерстью кожаная куртка и короткий льняной налатник с изображением золотого полумесяца и трех золотых звезд — гербовых символов лорда Слейтона. У всех восьмерых бойцов поверх одинаковых налатников — грязных и потертых, так что прохожему пришлось бы вглядываться, чтобы различить полумесяц со звездами, — висели на поясе кошель, длинный кинжал и меч.

Прохожие, впрочем, не вглядывались: с вооруженными людьми в гербовых налатниках хлопот не оберешься, а уж тем более со стрелками. Пусть при них нет луков, но с первого взгляда на широкие плечи становится ясно, что каждый из таких оттянет тетиву боевого лука на добрый ярд и не поморщится.

Лучников в Лондоне боялись, и этот страх, едкий, как вонь нечистот, и стойкий, как запах древесного дыма, пропитывал собой все улицы, заставляя обывателей накрепко запирать двери. Даже попрошайки куда-то подевались, а немногие смельчаки, отваживающиеся выйти

из дому — их-то рассказы и породили страх, — но-
ровили прошмыгнуть мимо стрелков по дальнему краю
дороги.

— Господи ты боже мой, — длинно выдохнул Ник
Хук, нарушая общее молчание.

— Хочешь молиться — иди в церковь, выродок, —
огрызнулся Том Перрил.

— Сначала нагажу твоей матери на голову, — бурк-
нул Хук.

— Заткнитесь оба, — вмешался Уильям Сноболл.

— Чего мы тут высиживаем? — проворчал Хук. —
Сдался нам этот Лондон!

— Сидишь себе — ну и сиди, не ной, — осадил его
Сноболл.

Харчевня стояла на углу тесной улочки, выходявшей
на торговую площадь. Вывеска гостиницы — резное
раскрашенное изображение быка — свисала с мощного
бруса, отходящего от фронтона здания и опирающего-
ся на крепкую стойку, врытую в землю посреди площади.
Вокруг площади тут и там виднелись лучники в гербо-
вой одежде, прибывшие в Лондон по приказу своих гос-
под. Самих господ, впрочем, здесь никто не видел. Два
священника, тащившие по охалке пергаментных свит-
ков, пробирались по дальней стороне улочки, косясь на
лучников. Где-то в городе ударил колокол. Том Перрил
сплюнул, и один из священников чуть не споткнулся.

— Господи, чего ж мы тут торчим-то? — простонал
Роберт Перрил.

— Господь не скажет, — процедил Сноболл. — Хотя,
говорят, наше дело Ему явно угодно.

Богоугодное дело состояло в том, чтобы охранять
угол между улицей и рыночной площадью, преграждая
путь в обе стороны и женщинам, и мужчинам. Приказ
не относился к священникам, конным рыцарям и зна-
ти — только к простому люду, а простому люду и без то-
го хватало ума сидеть по домам. Какие-то оборванцы

тащили на площадь семь ручных повозок с дровами, бочками, камнями и длинными бревнами, но так как оборванцев сопровождали конные латники в накидках с королевским гербом, то стрелки даже не дернулись их окликнуть.

Дородная девка с изрытой оспой физиономией вынесла лучникам пива из харчевни и разлила по кружкам, с тем же безразличным видом застыв на месте, когда Сноболл полез ей под юбки. Дождавшись, пока он выпростает руку, она протянула ему ладонь.

— Нет уж, милашка, — ухмыльнулся тот. — Я сделал тебе одолжение, так что причитается не с меня, а с тебя.

Девка повернулась и ушла. Майкл, младший брат Хука, старался не отрывать глаз от столешницы. Глядя на его смущение, Том Перрил ухмыльнулся, но промолчал: задирать добродушного Майкла, который никогда не обижался, было бессмысленно.

Королевские латники остановили повозки в центре площади и теперь стоймя укрепляли два высоких столба в двух бочках, набитых камнями и щебнем. Кто-то из латников, проверяя столб на прочность, налег на него всем телом. Столб устоял — работа, видимо, была сделана на совесть. Латник спрыгнул на землю, и оборванцы-рабочие принялись раскладывать вокруг бочек вязанки дров.

— Королевские дрова горят ярче, — ухмыльнулся Сноболл.

— Правда? — тут же откликнулся Майкл, который верил любому слову.

Никто из лучников ему не ответил.

— Наконец-то, — проговорил вместо этого Том Перрил.

И Хук увидел на дальнем краю площади небольшую толпу, появившуюся из церкви: обычного вида люди, почему-то окруженные солдатами, монахами и клириками.

Один из священников направился к «Быку» — харчевне, у которой сидели лучники.

— А вот и сэр Мартин, — объявил Сноболл, будто остальные могли его не узнать.

Хука при виде священника передернуло от ненависти. Тощий, как угорь, тот приближался размашистой походкой, на ходу склабясь все шире и не отрывая от стрелков по-всегдашнему назойливого взгляда странных глаз, которые, как говаривали, смотрели прямым в мир иной; правда, в рай или в ад — тут мнения расходились. Хукова бабка на этот счет была категорична. «На нем след зубов преисподнего пса, — повторяла она. — Родись он простолоудином, его бы уже повесили».

Лучники нехотя поднялись с места, приветствуя священника.

— Ну что, готовы творить Божье дело? — заговорил, подойдя, сэр Мартин. Его черные волосы поседели на висках и поредели на макушке, недельная седая щетина покрывала длинный подбородок, словно иней. — Нужна лестница, за веревками уже пошел сэр Эдвард. Дворянство на побегушках — залюбуешься, а? Найдите где-нибудь длинную лестницу.

— Лестницу? — переспросил Уильям Сноболл так, будто впервые слышал о такой диковине.

— Длинную, чтоб достала до перекладки. — Сэр Мартин дернул головой в сторону бруса, на котором болталась вывеска с быком. — Длинную, — вновь повторил он с отсутствующим видом, словно уже забыл, что здесь делает.

— Поищите лестницу, — велел Уилл Сноболл двоим лучникам. — Длинную.

— Короткие слишком коротки для Божьей справедливости. — Сэр Мартин, вновь оживившись, потер тощие ладони и взглянул на Хука. — Что-то ты бледен, Хук. Заболел? — спросил он с радостной надеждой, словно Ник Хук собирался помереть прямо у него на глазах.

— Пиво тут подозрительное, — ответил Хук.

— Это потому, что пятница, — сообщил священник. — В постный день надо воздерживаться от пива. Твой покровитель, святой Николай, по средам и пятницам отказывался от материнской груди — учись, Хук! Не положено тебе удовольствий в постные дни: ни пива, ни забав, ни грудей — и так будет всегда. А почему, Хук, почему? — Длинное лицо сэра Мартина перекосила злорадная усмешка. — Потому что ты вскормлен от отвислых грудей порока! И детей ее не помиую, говорит Писание, ибо блудодействовала мать их!

Том Перрил хихикнул.

— Какие будут распоряжения, святой отец? — устало спросил Уилл Сноболл.

— Творить Божье дело, мастер Сноболл, святое Божье дело. Ступайте.

Лестницу нашли как раз к тому времени, когда на площади появился сэр Эдвард Дервент, удерживая на широких плечах четыре мотка веревки. Сэр Эдвард, сильный и коренастый, был латником и носил накидку с полумесяцем и звездами, как у стрелков, только почище и поярче. Лицо его было изуродовано в битве при Шрусбери, когда ударом алебарды ему раскроили шлем, проломили скулу и отсекали ухо.

— С колоколов сняли, — объяснил он, сваливая на землю тяжелые петли веревок. — Вяжите их к перекладине, я не полезу.

Сэр Эдвард командовал латниками лорда Слейтона, и уважали его не меньше, чем боялись.

— Хук, давай ты! — велел сэр Эдвард.

Хук, взобравшись на лестницу, стал привязывать к брусу колокольные канаты тем же узлом, каким привык крепить пеньковый шнур вокруг зарубок на концах лука. В отличие от шнура, толстые канаты поддавались с трудом. Закончив, Хук соскользнул вниз по последней

привязанной веревке, показывая, что узлы закреплены надежно.

— Скорей бы уж все закончилось, — раздраженно бросил сэр Эдвард. — Надоело тут торчать. Чье пиво?

— Мое, сэр Эдвард, — отозвался Роберт Перрил.

— Будет мое, — кивнул сэр Эдвард, опрокидывая в себя кружку.

Под его гербовым налатником виднелись кожаная куртка и кольчуга. На поясе висел меч без единого украшения — простой клинок и обычная стальная рукоять с двумя ореховыми накладками поверх хвостовика: меч сэр Эдвард считал орудием ремесла, потому так буднично и зарубил им тогда мятежника, снесшего ему алебардой пол-лица.

Теснимая солдатами и священниками толпа — чуть больше полусотни мужчин и женщин, молодых и старых, — уже застыла посреди площади. Кое-кто, упав на колени, молился.

— Всех не сжечь, — с сожалением произнес сэр Мартин, — слишком многих придется тащить в ад на веревке.

— Коль они еретики, надо жечь всех, — буркнул сэр Эдвард.

Священник досадливо скривился:

— Будь на то Господня воля, Он бы дал нам дров в изобилии.

Начали появляться зеваки. Городом по-прежнему владел страх, однако обыватели как-то почували, что главная опасность уже позади, и стали подтягиваться к рыночной площади. Сэр Мартин велел лучникам их пропускать:

— Пусть видят, им полезно.

Обыватели глядели мрачно и, несмотря на проповеди монахов и священников в оправдание готовящегося действия, явно сочувствовали осужденным. Те, по словам

проповедников, выходили врагами Христа и дурными плевелами посреди чистой пшеницы: теперь, мол, отвергнув предложенную им благодать покаяния, они сами выбрали вечный удел, к которому им и предстоит перейти.

— Кто они есть-то? — не выдержал Хук.

— Лолларды, — ответил сэра Эдвард.

— Что за лолларды?

— Еретики, неумытая твоя морда, — с удовольствием встрял Сноболл. — Собирались бунтовать против нашего милостивого короля, а теперь пойдут напрямиком в ад.

— На бунтовщиков вроде не похожи, — заметил Хук.

Среди приговоренных были в основном пожилые и даже старики, много совсем юных, здесь же девушки и женщины.

— А ты на вид не смотри, — заявил Сноболл. — Еретики — они и есть еретики, чтоб им сдохнуть.

— Такова Божья воля! — рявкнул сэра Мартин.

— А почему они еретики? — не отставал Хук.

— Что-то мы сегодня любопытны, — прорычал сэра Мартин.

— Мне тоже интересно, — поддержал брата Майкл.

— Потому что Церковь так решила! — огрызнулся сэра Мартин, но тут же опомнился и сменил тон. — Веруешь ли ты, Майкл Хук, что гостия, возносимая мной во время мессы, непостижимо пресуществляется в святое и возлюбленное тело Господа нашего Иисуса Христа?

— Конечно, святой отец!

— Ну вот, а эти не верят. — Священник дернул головой в сторону лоллардов, преклонивших колени на грязной площади. — Считают, что хлеб остается хлебом. Дерьмоголовые мерзавцы. А веруешь ли ты, что святейший наш папа есть наместник Господа на земле?

— Да, святой отец, — ответил Майкл.

Литературно-художественное издание

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ
АЗЕНКУР

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректор Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 27.07.2020. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 30. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-MPR-27125-01-R